

Читая эту книгу, вы будете смеяться, плакать и укоризненно покачивать головой. В книге Дж. Грогэна описывается одно из тех жизненных путешествий, которые люди и собаки зачастую совершают вместе. Автор размышляет о нас и о нашем мире, о человеческой природе, показывает свойственные человеческой, да, пожалуй, и собачьей жизни взлеты и падения, радости и печали. Описание жизненного пути славного пса Марли и его хозяина, вышедшее из-под пера такого наблюдательного, несентиментального и пронизательного автора, как Джон Грогэн, наверняка придется по вкусу всем любителям собак.

Джон Кац,
автор бестселлеров «Год собаки» (A Dog Year)
и «Псы с фермы Бедлам» (The Dogs of Bedlam Farm)

Мне не понаслышке известны все проблемы начинающих собаководов: мой фландрский бувье, который весит сейчас 45 кг, в нежном щенячьем возрасте частенько позорил меня на собачьей площадке. Вот почему я хохотал до слез, читая уморительное описание попыток Джона Грогэна обучить командам своего лабрадора Марли. Как говорится, без труда не выловишь и рыбку из пруда. «Рыбка» Грогэна, да и читателя тоже, — это Марли, пес, который достоин того, чтобы его имя появилось в Зале славы для собак, если бы такой существовал.

Джон Бернхэм Шварц,
автор книг «Дорога в заповедник» (Reservation Road)
и «Чудо Клер» (Claire Marvel)

Marley & Me

Life and Love with
the World's Worst Dog

John Grogan

WILLIAM MORROW

An Imprint of HarperCollinsPublishers

Марли и я

Удивительная история о любви
и о жизни с самой ужасной в мире собакой

Джон Грогэн

*Первое издание книги вышло в свет
в издательстве «Добрая книга» под названием
«Марли и мы: Удивительная история о любви
и о жизни с самой ужасной в мире собакой».*

ДОБРАЯ КНИГА
МОСКВА 2009

*Первое издание книги вышло в свет в издательстве «Добрая книга»
под названием «Марли и мы: Удивительная история о любви
и о жизни с самой ужасной в мире собакой».*

УДК 111.636.7

Г86 ГРОГЭН Д.

МАРЛИ И Я / Джон Грогэн; пер. с англ. — М.: ООО «Издательство «ДОБРАЯ КНИГА», 2009. — 400 с.

ISBN 978-5-98124-460-5

Перевод с англ.: А. Калинин, А. Кошкодаева

Лабрадор Марли появился в семье Грогэнов в самый сложный момент их жизни: только что вступившие в брак мужчина и женщина пытались привыкнуть друг к другу, болезненно переживая процесс соединения двух совершенно разных прошлых в одно общее будущее. Они помогли собаке стать членом семьи, а она помогла им стать настоящей парой, семьей, родителями, — одним словом, помогла повзрослеть. Несмотря на все разочарования и не воплотившиеся ожидания, Марли преподнес своим хозяевам бесценный подарок: он научил их безгранично и бескорыстно любить и показал им, что действительно важно в этой жизни.

Собаке все равно, бедный ты или богатый, образованный или неграмотный, умный или туподум. Отдай ей свое сердце, и она ответит тебе тем же. Все очень просто; только мы, люди, мудрые и высокоразвитые существа, сами создаем себе проблемы, пытаясь усложнить нашу жизнь. На самом деле жизнь оказывается чрезвычайно простой штукой, стоит лишь открыть другим свою душу, — и понять это вам помогает собака с отвратительным дыханием, ужасными манерами и искренними намерениями.

Эта смешная и одновременно трогательная книга-бестселлер не оставит равнодушным ни одного читателя.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОБРАЯ КНИГА»

Телефон для оптовых покупателей: (495) 694-20-78

Адрес для переписки/e-mail: mail@dkniga.ru

Адрес нашей страницы в Интернете: <http://www.dkniga.ru>

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах или передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Сделано в России.
ISBN 978-5-98124-460-5

Marley & Me. Copyright © 2005 by John Grogan
© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
ООО «Издательство «Добрая книга», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Идеальная собака	9
1. Третий член семьи	13
2. Пес голубых кровей	27
3. Связь с домом	33
4. Мистер Вихляй	45
5. Тест на беременность	59
6. Дела сердечные	65
7. Хозяин и зверь	81
8. Битва решений	93
9. Мужские проблемы	109
10. Ирландское счастье	123
11. Все, что он съел	137
12. Добро пожаловать в родильное отделение для нищих	151
13. Крик в ночи	165
14. Раннее прибытие	179
15. Ультиматум Дженни	195
16. Кинопроба	213
17. В стране Бокахонтас	231
18. Обед под открытым небом	247

19.	Разряды молний	259
20.	Собачий пляж	271
21.	Самолет летит на север	287
22.	В стране карандашей	299
23.	Парад домашней птицы	313
24.	Потайная комнатка	327
25.	Преодолеваю трудности	341
26.	Время займы	353
27.	Расставание	363
28.	Под вишнями	373
29.	Клуб плохих собак	383
	От автора	395
	Об авторе	399

*Памяти моего отца Ричарда Фрэнка Грогэна,
чья добрая душа живет на каждой странице этой книги*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идеальная собака

Летом 1967 года, когда мне было 10 лет, отец уступил моим настойчивым просьбам, и мы поехали покупать собаку. Мы отправились в нашем универсале на окраину Мичигана на ферму, хозяйками которой были какая-то грубоватая женщина и ее престарелая мать. Здесь «производили» лишь один товар — собак: любого возраста, размера и темперамента. У этих псов было только две общих черты: все они являлись полукровками с неизвестной или сомнительной родословной и каждую с легкостью отдавали в хорошие руки. Мы были в гостях у заводчиков дворняжек.

— Теперь, сынок, не спеши, — сказал отец, — Много лет спустя ты будешь вспоминать свое сегодняшнее решение.

Я быстро решил: пусть старых собак берет по доброте душевной кто-нибудь другой и, не теряя ни минуты, бросился к клетке со щенками.

— Если хочешь взять неробкую собаку, — советовал папа, — попробуй пошуметь и посмотри, какие щенята не испугаются.

Я схватил решетку, прикованную цепью к клетке, и дернул ее. После характерного громкого лязга около дюжины щенков поползли назад, наступая друг другу на голову, превратившись в одну большую кучу волнистого меха. Только один золотистый щенок с белым пятном на груди не убежал: он подпрыгнул и радостно начал лизать мои пальцы через клетку. Это была любовь с первого взгляда.

Я привез его домой в картонной коробке и назвал Шоном. Он был одной из тех собак, которые отстаивают доброе имя всего вида. Он с легкостью обучился всем моим командам и вообще вел себя хорошо. Я мог уронить корку на пол, и он бы не тронул ее без моего разрешения. Он подбегал, когда я звал его, и оставался рядом, если я давал такую команду. Вечером мы выпускали его одного, зная, что он сделает свои дела и тут же вернется. Мы могли оставить его дома, будучи уверенными, что он не поранится и ничего не разобьет, хотя мы редко это делали. Он бегал за машинами, но не облаивал их, и без поводка гулял рядом со мной. Шон мог нырять на дно нашего озера и доставать оттуда камни, иногда настолько большие, что они застревают у него в пасти. Он ничего не любил больше семейных путешествий на машине, когда я усаживал его на заднее сиденье рядом с собой: он был рад часами рассматривать виды за окном. Наверное, эффектнее всего выглядел наш трюк, когда он тянул мой велосипед, словно сани, делая

меня предметом зависти всех моих друзей. Он никогда не подвергал меня опасности.

Он был рядом, когда я выкурил свою первую (и последнюю) сигарету и когда я поцеловал свою первую девушку. Он сидел рядом со мной на переднем сидении автомобиля Corvair, который я тайком «одолжил» у своего старшего брата, чтобы впервые в жизни покататься на машине.

Шон был энергичным — но контролируемым, нежным — но спокойным. Он был настолько хорошо воспитан, что прежде чем присесть и сделать свои дела, скромно забегал за куст, откуда выглядывала только его голова. Благодаря этой чистоплотности по нашей лужайке можно было ходить босиком.

Если у нас на выходных гостили родственники, то уезжали они от нас с твердым намерением купить собаку: настолько их впечатлял Шон, или Святой Шон, как я стал называть его. Он стал нашей семейной достопримечательностью, каким-то чудом, данным нам свыше. По крайней мере, мы с трудом могли поверить, что так все и есть на самом деле. Рожденный с проклятием нечистой родословной, Шон был одной из десятков тысяч ненужных никому собак. И вот по какой-то счастливой, почти чудесной случайности он стал желанным. Он вошел в мою жизнь, а я в его, и он подарил мне детство, которого заслуживает каждый ребенок.

Этот роман длился почти 14 лет, и когда Шон умер, я уже был не тем маленьким мальчиком, который принес его в один из летних дней домой. Я стал взрослым. Я закон-

чил колледж и работал на своей первой работе, разъезжая по всему штату. Когда я стал жить отдельно, Святой Шон остался в родительском доме, его место было там. И однажды родители, вышедшие на пенсию к тому времени, позволили мне, чтобы сообщить трагическую новость. Позже мама призналась мне: «За 50 лет нашего брака я всего два раза видела твоего отца плачущим. В первый раз это было, когда родилась мертвой твоя сестра Мари Энн. Во второй раз он заплакал, когда умер Шон».

Святой Шон моего детства. Он был идеальным псом. По крайней мере, таким я его запомнил и всегда буду помнить. Именно Шон установил стандарт, по которому я оценивал всех последующих моих собак.

Г Л А В А 1

Третий член семьи

Мы были молоды и влюблены. В те первые безупречные дни брака мы веселились как могли, и жизнь казалась настолько замечательной, насколько только возможно. Мы не могли жить друг без друга.

Итак, минуло 15 месяцев со дня нашей свадьбы, и однажды январским вечером 1991 года мы с женой поужинали и отправились на почту, чтобы ответить на рекламное объявление из газеты *Palm Beach Post*. Я не совсем понимал, зачем мы это делаем. Несколько недель назад, проснувшись с первыми лучами солнца, я обнаружил, что рядом никого нет. Я встал и увидел, что Дженни сидит в халате на веранде нашего маленького домика за стеклянным столом с ручкой в руке и сосредоточенно изучает газету.

В этой сцене не было ничего необычного. *Palm Beach Post* была не только нашей местной газетой, но и источником половины нашего семейного дохода. Дженни и я работали в двух газетах. Она писала статьи для рубрики

«Акцент» в *Palm Beach Post*, а я был корреспондентом конкурирующей газеты Южной Флориды *Sun-Sentinel*, редакция которой располагалась в часе езды в Форт-Лодердейле. Каждое утро мы сосредоченно изучали газеты вообще и свои статьи в частности, обсуждали наш вклад в конкурентную борьбу. Мы энергично обводили, подчеркивали и подшивали.

Но в то утро Дженни просматривала не новости, а специальные рубрики. Когда я приблизился, то увидел, что она лихорадочно обводит объявления под заголовком «Домашние животные. Собаки».

— О, — сказал я нежным голосом новоиспеченного мужа, — ты ничего мне не хочешь рассказать?

Она не ответила.

— Джен-Джен?

— Это все растение, — наконец ответила она, и в ее голосе прозвучали нотки отчаяния.

— Растение? — недоумевал я.

— Немое растение, которое мы убили.

Которое *мы убили*? Я не хотел уточнять, но, между прочим, речь шла о растении, которое я купил, а она убила. Однажды вечером я удивил ее, принеся домой прекрасную большую диффенбахию с изумрудно-кремовыми листьями разной формы. «По какому случаю?» — спросила она, но случая не было, и у меня не нашлось слов, кроме как: «Черт возьми, ну разве не хороша жизнь женатого человека?!»

Дженни очень понравился как жест, так и растение, и она в знак благодарности обвила руками мою шею и по-

целовала в губы. А затем она рассчетливо и хладнокровно, подобно серийному убийце, начала уничтожать мой подарок. Нет, она не пыталась именно убить его, она просто залелеяла бедное растение до смерти. Дженни понятия не имела, как обращаться с растениями, поэтому, основываясь на убеждении, что всем живым созданиям нужна вода, и забыв, однако, что им в равной степени нужен кислород, она начала ежедневно заливать диффенбахию водой.

— Смотри не переборщи, — предупредил я ее.

— Конечно, — ответила она, залив в горшок очередную бутылку воды.

Чем хуже становилось растению, тем больше она наводняла его горшочек, пока оно печально не склонилось в мокрую лужу. Как-то я увидел его размягченный стебель под окном и подумал: *«Да, тому, кто верит в зловещие предзнаменования, было бы чем поживиться сегодня».*

Итак, теперь Дженни вспомнила этот случай, сделав невероятный мысленный прыжок от погибшего растения к живой фауне, представленной классом домашних животных. *Убить растение, купить щенка.* Да, это определенно имело смысл.

Я внимательно посмотрел на разложенную перед ней газету и обратил внимание на то, что одно объявление, наверное, особенно приглянулось ей, потому что рядом с ним она нарисовала три большие красные звездочки. В нем было написано следующее: «Щенки лабрадора желтого цвета. Чистокровные, с клубным сертификатом. Все оттенки. Родители в доме».

— Итак, — начал я, — не могла бы ты мне еще раз объяснить эту проблему с растениями и домашними животными?

— Знаешь, — сказала она, оторвавшись от газеты, — я очень старалась, и смотри, что вышло. Я не могу позаботиться даже о дурацком комнатном растении. Я говорю о том, насколько *это* сложно. А ведь единственное, что требовалось, — правильно поливать эту чертову диффенбахию.

Затем она сделала логический вывод:

— Если я не могу даже сберечь растение, как можно будет доверить мне ребенка? — Судя по выражению ее лица, она готова была расплакаться.

Озабоченность Ребенком, как я называл это явление, стала постоянной проблемой в жизни Дженни и с каждым днем принимала все более угрожающие формы. За несколько месяцев до того как мы впервые встретились в редакции маленькой газеты в западном Мичигане, Дженни закончила университет, и серьезная взрослая жизнь казалась ей лишь отдаленной перспективой. Для нас обоих это была первая серьезная работа после учебы. Мы постоянно жевали пиццу, пили много пива, и сам факт, что однажды мы перестанем быть молодыми свободными потребителями фастфуда, представлялся нам абсурдом.

Но годы летели. Мы только-только начали встречаться, как разные места работы и мои годовичные курсы повышения квалификации разбросали нас в противоположные концы Восточного побережья. Сначала мы жили в часе езды друг от друга. Затем в трех. Потом в восьми, еще позже в двадца-

ти четырех. Так что к тому времени как мы обосновались в Южной Флориде и поженились, Дженни стояла на пороге своего тридцатилетия. У всех ее подруг уже росли дети, а тут еще ее организм начал посылать странные сигналы, свидетельствовавшие о том, что окно казавшейся в любой момент осуществимой возможности иметь детей начинает закрываться.

Я подошел к ней сзади, обнял за плечи и поцеловал в макушку.

— Не волнуйся, — сказал я. Надо признать, она правильно поставила вопрос. Никто из нас никогда не ухаживал ни за одним живым существом. Конечно, в наших семьях были домашние животные, но они не в счет, ведь мы знали, что родители в любом случае о них позаботятся. Мы оба хотели когда-нибудь завести детей, но был ли хоть один из нас к этому готов? Дети казались чем-то... страшным. Они выглядели беспомощными и хрупкими, будто легко бьющиеся игрушки, стоит только уронить.

Дженни чуть улыбнулась.

— Я подумала, что на собаке можно будет хорошо потренироваться, — сказала она.

Пока мы на ночь глядя ехали в северо-западном направлении, туда, где окраины Вест-Палм-Бич переходят в длинные ряды загородных домов, я обдумывал наше решение завести щенка. Это была огромная ответственность, особенно для двух людей, проводящих на работе целый день. Однако же мы понимали, на что идем.

Мы оба выросли в семьях, где держали собак и безмерно их любили. У меня был Святой Шон, а у Дженни — сеттер Святой Винни, любимец семьи. Все самые светлые воспоминания о детстве у нас обоих были связаны с этими собаками. Мы гуляли с ними, плавали, играли, попадали в переделки. Если бы Дженни нужна была собака только для того чтобы отточить материнские навыки, я бы попытался сменить тему разговора и, возможно, купить ей что-нибудь в подарок, чтобы она не переживала. Но поскольку мы знали, что хотим однажды завести ребенка, мы с такой же уверенностью считали, что семья наша не будет полной без собаки на коврик у двери. Когда мы начали встречаться (то есть задолго до того, как мысль родить ребенка пришла нам на ум), мы часами обсуждали своих питомцев. Мы рассказывали, как скучаем по ним и ждем момента, когда у нас появится уверенность в завтрашнем дне и дом, который можно будет назвать своим, чтобы завести собаку.

Теперь у нас было и то и другое. Мы жили вместе в городе, из которого не собирались переезжать в ближайшее время. И у нас был дом, который мы считали своим.

Это был прекрасный домик на чудном маленьком огороженном участке площадью в тысячу квадратных метров, который идеально подошел бы и для собаки. Его местоположение тоже полностью соответствовало задуманному: симпатичный маленький городок, всего в полутора кварталах от Берегового канала, отделяющего Вест-Палм-Бич от особняков Палм-Бич. В конце нашей улицы Черчилль-роуд

находился зеленый парк, протянувшийся вдоль побережья на несколько километров. Асфальтированная дорожка у самого берега идеально подходила для бега по утрам, катания на велосипеде и на роликовых коньках. Но более всего — для прогулки с собакой.

Наш дом был построен в 1950 году и в полной мере обладал очарованием старушки Флориды: камин, оштукатуренные стены, огромные окна, впускающие много воздуха, и балконные двери, ведущие в наше самое любимое место — застекленную веранду с задней стороны дома. Двор напоминал уютную бухту где-нибудь в тропических широтах, где по берегам растут пальмы, авокадо и яркие цветы. Над нашими зелеными владениями, словно башня, возвышалось манговое дерево, и с него с таким звуком, будто кто-то спрыгнул с крыши, каждое лето падали зрелые плоды. Мы частенько, лежа в кровати, слышали их глухой стук о землю: *бум! бум! бум!*

Мы купили этот домик с двумя спальнями и одной ванной сразу после медового месяца и тут же приступили к ремонту. Прежним владельцам, вышедшему на пенсию почтовому служащему и его жене, явно нравился зеленый цвет. Так была выкрашена штукатурка снаружи, и внутренние стены, и ставни, и входная дверь. На окнах висели зеленые шторы. Ковровое покрытие, которое заказали бывшие хозяева перед продажей дома для придания ему товарного вида, тоже было зеленым. Однако этот цвет не был ни веселеньким зеленым с желтоватым отливом, ни холодным изумрудным, ни даже цветом спелого лайма. Нет, этот цвет напоминал

цвет рвоты после горохового супа, только с оттенком хаки. В общем, все очень походило на военную казарму.

В первый же вечер в новом доме мы начисто отодрали абсолютно новый зеленый ковролин и выбросили его на улицу. Под ним обнаружился первоначальный пол из дубовых досок в великолепном состоянии. Нам показалось, что по нему вообще никто никогда не ходил. Мы тщательно отшлифовали его и залакировали до блеска. После этого мы решили потратить большую часть двухнедельной зарплаты на персидский ковер ручной работы, который расстелили в гостиной перед камином. Со временем мы перебрали все зеленые поверхности и заменили все зеленые предметы. Барак почтового служащего постепенно становился нашим домом.

Кажется, мы наводили порядок только для того, чтобы ввести в дом огромного четвероногого обладателя острых когтей и больших зубов с весьма ограниченным знанием английского, который бы вновь перевернул здесь все вверх дном.

— Притормози, дружок, а то мы пропустим нужный дом, — ворчала Дженни. — Он где-то здесь.

Мы ехали в крошечной мгле по бывшему болоту, которое после Второй мировой было осушено в сельскохозяйственных целях, а затем заселено жителями пригородов, что стремятся к пасторальной идиллии.

Как и предсказывала Дженни, вскоре фары осветили почтовый ящик с адресом, который мы искали. Я свернул на

дорожку, посыпанную гравием, которая вела к большому деревянному дому с прудом перед ним и небольшим сарайчиком сзади. У входа нас встретили женщина средних лет по имени Лори и невозмутимый крупный палевый лабрадор.

— Это Лили, счастливая мама, — сказала Лори после того, как мы назвали себя. Мы заметили, что и через пять недель после родов живот Лили все еще вздут, а соски набухли. Мы с Дженни присели на корточки, и Лили радостно приняла этот знак уважения. Она была именно такая, какой мы представляли самку лабрадора, — добрая, преданная, спокойная и поразительно красивая.

— А где же папа? — спросил я.

— О, — воскликнула Лори, поколебавшись долю секунды. — Малыш Сэмми? Он где-то здесь, — и быстро добавила, — я думаю, вы умираете от любопытства, хотите посмотреть щенков!

Она провела нас через кухню в подсобку, переоборудованную в собачью детскую. На полу были расстелены газеты, в углу стояла коробка с низкими стенками, обернутая старыми полотенцами. Но мы почти не обратили на это внимание. Как можно смотреть по сторонам, когда девять крошечных палевых щенков, то и дело натыкающихся друг на друга, громко возмущаются по случаю прихода новых гостей? Дженни затаила дыхание.

— О боже, — наконец произнесла она, — мне кажется, я никогда не видела ничего трогательнее.

Мы сели на пол и позволили щенкам ползать по нам, пока счастливая Лили суежилась вокруг, виляла хвостом и

тыкая носом по очереди в каждого из своих отпрысков, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Когда я соглашался ехать сюда, мы с Дженни договорились, что только посмотрим щенков, наведем справки, но оставим открытым вопрос, готовы ли мы завести дома собаку. «Это же первое объявление, по которому мы звонили, — приводил я свои доводы. — Давай не будем принимать поспешных решений». Однако уже через минуту мне стало ясно, что я проиграл битву. Не осталось ни тени сомнения, что прежде чем забрезжит рассвет, один из малышей станет нашим.

Лори была, что называется, нелегальным заводчиком. При выборе чистокровной собаки мы оказались полными профанами, хотя прочли на эту тему кое-какие пособия и знали, что следует избегать так называемых конвейерных щенков, на разведении которых чаще всего наживаются заводчики. В отличие от машин, у породистых щенков могут возникнуть серьезные наследственные проблемы — от дисплазии тазобедренного сустава до слепоты в раннем возрасте, что вызвано кровосмесительным скрещиванием.

С другой стороны, Лори была человеком увлеченным, и ею двигала скорее любовь к породистым собакам, нежели стремление к материальной выгоде. Она являлась владелицей всего одной пары лабрадоров, причем сука и кобель в родстве не состояли, и Лори могла предъявить бумаги, подтверждающие это. Выводок Лили, который мы видели, был вторым и последним, а теперь ей суждено было посвятить остаток жизни простым деревенским радостям. Поскольку родители вроде бы были в наличии, покупатель

мог непосредственно убедиться в происхождении щенков, хотя нам так и не показали кобеля.

В выводке оказалось пять девочек (на четырех уже поступили заказы) и четыре мальчика. Лори просила \$400 за последнюю девочку и по \$375 за мальчика. Одного из них, казалось, особенно взбудоражило наше с Дженни явление. Он был самым бестолковым из всего помета и принялся кувыркаться у нас на коленях, карабкаться вверх по одежде, лизать нам лица. Он грыз нам ногти поразительно острыми для такого малыша зубами и топтался вокруг на непропорционально широких желтовато-коричневых лапах.

— Этого можете забрать за три с половиной сотни, — предложила хозяйка.

Дженни хлебом не корми, дай получить скидку. Она тащила домой уйму ненужных вещей только потому, что цена казалась слишком привлекательной и возникала возможность сэкономить. «Я знаю, ты не играешь в гольф, — как-то заявила она, выгтащив из машины набор бэушных клюшек, — но ты не поверишь, как дешево они мне достались». Вот и теперь я заметил, как ее глаза заблестели.

— Ах, дорогой, — проворковала она, — давай возьмем этого щеночка!

Я вынужден был признать, что щенок очаровательный и игривый. Пока я соображал, что происходит, мошенник едва не перегрыз ремешок моих часов.

— Надо проверить, насколько он пуглив, — сказал я. Прежде я не раз рассказывал Дженни историю о том, как

мы выбрали Святого Шона. Я был совсем маленький, и отец подсказал, что надо сделать какое-то резкое движение или пошуметь, чтобы отличить робкого щенка от смелого. Дженни, окруженная пушистыми комочками, закатила глаза, давая понять, что поведение семьи Грогэнов ей, мягко говоря, представляется странным.

— Серьезно, — настаивал я. — Этот способ работает.

Я встал спиной к щенкам, затем внезапно развернулся, неожиданно сделал резкий шаг по направлению к ним, топнул ногой и крикнул: «Эй!» Комочки не обратили особенного внимания на странное поведение незнакомца, и только один прыгнул вперед, чтобы грудью встретить опасность. Это был Щенок-со-Скидкой. Он с энтузиазмом бросился на меня, запутался между щиколоток и яростно атаковал мои шнурки, убежденный, что перед ним опасные враги, которых нужно уничтожить.

— Мне кажется, это судьба, — проговорила Дженни.

— Думаешь? — спросил я, поднимая щенка с пола и держа его одной рукой у самого лица.

Я внимательно рассмотрел его мордочку. Он уставился на меня трогательными карими глазками и куснул за нос. Я передал щенка Дженни, и он повторил свои манипуляции.

— Кажется, мы ему понравились, — сказал я.

Выбор был сделан. Мы выписали Лори чек на \$350. Она сказала, что через три недели, когда Щенок-со-Скидкой подрастет и его пора будет отлучить от матери, мы можем приехать за ним. Мы поблагодарили хозяйку, в последний раз погладили Лили и распрощались.

Когда мы шли к машине, я обнял Дженни за плечи и притянул к себе.

— Ты можешь в это поверить?! — воскликнул я. — Мы практически завели собаку!

— Жду не дождусь, когда можно будет принести его домой, — ответила она.

Только мы подошли к машине, как услышали шум со стороны леса. Кто-то пробирался сквозь кусты, и этот кто-то очень тяжело дышал. Фонограмма идеально подошла бы для озвучивания фильма ужасов. Мы застыли на месте, вглядываясь в темноту. Звук становился все громче, его источник приближался. Мгновение спустя желтый силуэт вышел на свет и двинулся к нам. *Очень большое* желтое существо. Когда оно пробежало мимо, казалось, даже не заметив нас, мы поняли, что это громадный лабрадор. Но он ничем не напоминал милую Лили, с которой мы обнимались в доме. Этот пес полностью вымок, лапы и живот его были покрыты грязью, язык болтался из стороны в сторону, а с пасти капала пена. В ту долю секунды, что я смотрел в его глаза, я заметил в них странный, почти сумасшедший, но в то же время радостный блеск. Будто бы пес только что увидел привидение, и это его очень позабавило.

В следующий миг с шумом убегающего в панике стада буйволов зверь исчез из виду, скрывшись за домом. У Дженни вырвался вздох облегчения.

— Что-то подсказывает мне, — произнес я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, — что мы только что видели Папу.

ГЛАВА 2

Пес голубых кровей

У нас, новоиспеченных собаководов, сразу же возник спор. Он начался, пока мы ехали от Лори, и продолжался всю следующую неделю, то вспыхивая, то угасая. Мы не могли решить, какое имя дать нашему Щенку-со-Скидкой. Дженни отказывалась от вариантов, которые предлагал я, и наоборот. Битва закончилась однажды утром до ухода на работу.

— *Челси?* — переспросил я. — Это *настолько* цыплячье имя! Ни одному нормальному кобелю не подойдет имя Челси.

— Будто бы он поймет, как мы его назвали! — парировала Дженни.

— Вот Охотник, — предложил я. — Охотник — замечательная кличка.

— *Охотник?!* Издеваешься, да? Ты что, собираешься ездить с ним на охоту вместе с другими мужиками? Это слишком мужское имя. К тому же ты никогда не охотился.

— Он же кобель, — выпалил я, закипая от злости. — *У него должна быть мужская кличка.* Не подгоняй ее под свои женские шаблоны.

Все это мне совсем не нравилось. Я серьезно взялся за дело. Пока Дженни собиралась с силами для ответного удара, я постарался быстро развернуть дискуссию в нужном мне направлении.

— Чем тебе не нравится Луи?

— Очень подходит, если ты работаешь на заправке, — раздраженно ответила Дженни.

— Хорошо, отлично! Так звали моего деда. Ты, видимо, хочешь, чтобы мы назвали пса в честь твоего дедушки? Хороший песик, Билл!

Тут Дженни с отсутствующим видом подошла к магнитофону и включила музыку. Это была одна из ее стратегий в супружеских ссорах: когда заходишь в тупик, заставь оппонента замолчать. Из колонок полились ритмичные звуки рэгги Боба Марли, практически мгновенно успокоив нас обоих.

Мы открыли для себя этого певца с Ямайки, когда переехали из Мичигана в Южную Флориду. На берегах болот верхней части Среднего Запада, где обитали в основном белые американцы, мы сидели на диете из Боба Седжера и Джона Кугара Мелленкэмпа. Здесь же, в пульсирующем этническом потоке, каковым является Южная Флорида, музыка Боба Марли доносилась отовсюду — даже спустя десять лет после его смерти. Мы слышали ее по радио, когда ехали по бульвару Бискейн.

Она звучала, когда мы потягивали кофе по-кубински в районе Маленькая Гавана и ели курицу по-ямайски в маленьких лавчонках в унылых иммигрантских кварталах к западу от Форт-Лодердейла. Мы наслаждались ею и когда впервые пробовали оладьи из моллюсков на фестивале музыки Багамских островов «Гумбэй» в престижном районе Майами Коконат-Грув, и когда ездили покупать гаитянские сувениры в Ки-Уэст.

Чем больше мест мы исследовали, тем больше влюблялись как в Южную Флориду, так и друг в друга. И, казалось, всегда рядом, в тени, был Боб Марли. Он находился с нами, когда мы жарились под солнцем на пляже, когда перекрашивали мутно-зеленые стены нашего дома, когда просыпались на рассвете от криков попугаев и занимались любовью в лучах утреннего солнца, проникавших сквозь ветви бразильского перечного дерева, что росло под нашим окном. Мы влюбились в эту музыку за ее красоту и непосредственность и за то, что она напоминала нам о сладостных моментах, когда мы соединялись, превращаясь в единое целое. Боб Марли стал фонограммой нашей новой совместной жизни в этом странном, экзотическом, суматошном месте, так непохожем на наши прежние места жительства.

И вот сейчас в динамиках зазвучала наша любимая песня, лучшая из всех и самая близкая нам обоим. Голос Марли наполнил комнату, повторяя снова и снова припев: «Любовь ли это в моем сердце?» И мы одновременно, будто репетировали неделями, закричали: «Марли!»